

**Сергей Николаевич Сергеев-
Ценский**

**Свидание (Преображение
России - 17)**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский

Свидание (Преображение России - 17) / Сергей Николаевич Сергеев-Ценский –
М.: Книга по Требованию, 2011. – 44 с.

ISBN 978-5-458-04003-7

Историко-революционная эпопея "Преображение России" замечательного русского советского писателя С. Н. Сергеева-Ценского включает в себя двенадцать романов и три повести, являющиеся совершенно самостоятельными произведениями, объединенными общим названием.

ISBN 978-5-458-04003-7

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Сергеев-Ценский Сергей
Свидание (Преображение
России - 17)

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский

Преображение России

Эпопея

Свидание

Этюд

Содержание

Глава первая

Глава вторая

Глава третья

Примечания

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Второй месяц жили в Москве супруги Слесаревы - Леня и Таня, прибывшие в длительную командировку, связанную с работой коксовых печей. Теперь они оба занимались одной и той же проблемой, продолжали углубляться в тайны коксующихся углей, написали совместно большую теоретическую статью, которую послали в журнал "Химия твердого топлива", но из редакции почему-то не подавали голоса, то есть и не печатали и не отклоняли. Леню это злило и возмущало, и поэтому, как-то будучи в управлении коксовой промышленности, Слесарев решил пожаловаться на редакцию и попросить содействия.

- А вы зайдите к Николаю Ивановичу Худолею. Направо третья дверь, посоветовали ему в секретариате управления.

- К Худолею так к Худолею, - повторил Леня и вопросительно посмотрел на жену: что, дескать, пойдем?

- Иди один, мне что-то не хочется, - поняв его бессловесный вопрос, ответила Таня.

Моложавый на лицо, но основательно седой, так что и возраст его Слесарев не мог определить, Николай Иванович Худолей выслушал Леню внимательно и сказал как-то с доброжелательной прямой:

- Послушайте, я ведь хотя тоже горный инженер, но по административной части, а вы хотите, чтобы я ваш теоретический труд по коксу читал. Я верю вам, что это для нас, коксовиков, интересно, но знаете ли, мне просто некогда, извините, товарищ Слесарев. В конце-то концов, как научный работник, вы должны идти по своей линии, научной, а не по моей, чисто административной.

- Да, я понимаю это, однако мне кажется, что именно вы, как администратор...

- Нажать могу, хотите вы сказать?

- Ну да, нажать, вот именно, - и Леня, подняв несколько над столом руку, слегка прихлопнул ею какую-то папку с бумагами, - нажать, чтобы прочитали, наконец, и решили. Ведь статью эту мы послали в Москву еще из Днепропетровска, два месяца назад, а ее, оказалось, никто в редакции прочитать даже не соизволил. Так нельзя, что же это такое?

- Так нельзя, - согласился, улыбнувшись, Худолей. - То есть не то, чтобы нельзя, у нас и не такое еще считают возможным. Это, конечно, некультурно, вот как скажем мы.

- Кому же именно скажем? - подхватил Леня.

- Кому именно? А вот хотя бы редакции журнала этого "Химия твердого топлива".

Худолей набрал номер телефона и, поздоровавшись с каким-то товарищем Поневежским, сказал в трубку:

- Вот какая штука, дорогой товарищ. У вас два месяца лежит статья из Днепропетровска о коксе. Два автора, совершенно верно - Слесаревы... Ну вот, видите, что получается. Авторы волнуются, время идет. Говорят, волокита, бюрократия. И правильно говорят... Они сейчас в Москве. Значит, прямо к вам зайти? Хорошо. Так вы уж, пожалуйста, ускорьте решение. А то как же. Привет, товарищ Поневежский.

И, положив трубку, уже Лене пояснил:

- Статью вашу, оказывается, читал все-таки один из сотрудников, но пока еще не написал рецензию, все собирается... Обещают ускорить. А вас просит зайти этот самый товарищ Поневежский. Вы с ними не церемоньтесь, требуйте это ваше право. Они ведь, знаете, - народ такой...

Так закончилась эта короткая встреча двух молодых специалистов по горному делу. Большой пользы от нее Леня не ожидал, но решил, что не стоит пренебрегать советом Худолея и церемониться с редакцией. В самом деле - не милостыню же он просит.

2

Домой Слесаревы добирались на трамвае, в котором народу было полным-полно, как всегда и во всех вагонах московского трамвая того времени: шел 1934 год, стояла зима.

Ехать нужно было несколько остановок. Таню охватила уже плотно тревога, какую она чувствовала всегда, возвращаясь домой: это была тревога за свою трехлетнюю девочку, которая оставалась дома под присмотром домработницы Прасковьи Андреевны, женщины пожилой, хотя и степенной, но мешкотной, а девочка была живая: вдруг вздумает, чуть только останется одна, залезть на эта-

жерку с книгами, а там не удержится, упадет на пол, да еще и этажерку на себя повалит. Воображение матери работало безостановочно, и вслед за этажеркой представлялась коробка спичек, которую нашла, конечно, Галя на кухне, спрятала эту игрушку под свой белый передничек, пробралась с нею в спальню и - что ей стоит? - чиркнула спичкой по коробке, как это делает нянька, и подожгла одеяло, например, или подушку... Пока-то мешкотная Прасковья Андреевна услышит, что из комнат запахло дымом, - в спальне уже все горит... И пока они доедут, что там дома может произойти, даже и вообразить страшно Тане. А в проходе, где она стояла, давили на нее с трех сторон, и те, кто был сзади, и те, кто пришелся спереди, и особенно те, кто протискивался вперед, говоря: "Пропустите, граждане, мне сейчас выходить", и очень энергично действуя плечами и локтями. "Держись, начинается!" - по обыкновению шутил стоявший сзади нее Леня, но ей, встревоженной, неприятна была эта шутка, и она морщилась, поворачивая к нему щеку и медленно продвигаясь вперед.

Вдруг с нею произошло что-то странное, глаза ее скользнули было по лицу какого-то счастливца, сидевшего в левом от нее ряду, и тут же вернулись к нему снова и почему-то никак не хотели от него оторваться. При этом память точно шептала ей, что это не просто кто-то из недавних ее знакомых в той же Москве, - ведь таких было очень много: появлялись в ее жизни и исчезали бесследно, - нет, этот был как-то очень хорошо, очень близко знаком и как-то известен ей, но кто именно, она никак не могла припомнить.

Он был в пыжиковой шапке, но, несмотря на то, что этой шапки не оказалось в ее памяти, было что-то другое, совсем не такое случайное, как шапка; оно было в глазах и во всем лице, продолговатом, несколько скуластом от впалости щек, бритом, оно было в линиях подбородка, округлых, мягких, но, главное, в глазах; эти глаза, они будто бы много уже лет как запали в ее память и оставались там, заслоненные тысячами других глаз, - однако вот теперь, сквозь эти тысячи других, пробилась те глаза, и они именно те самые, а не какие-то другие, оказались теперь тут рядом, и упустить их нельзя, нельзя ни на секунду сводить с них глаз, пока наконец-то не станет для нее ясно, чьи они.

Обыкновенно, когда ей случалось стоять в проходе трамвайного вагона, она продвигалась вперед вслед за другими и уже перед самым выходом дождалась своей остановки, но теперь она точно приросла к месту, пропускала вперед всех, даже Леню. Став впереди нее, он протянул ей назад руку, - "руку помощи", как он называл это

шутя, - но она не взяла ее, - просто не заметила. Как раз в это время тот, на кого она смотрела, вынул из пальто платок, снял свою пыжиковую шапку и вытер платком голову, подстриженную под ноль или даже выбритую наверно не больше как за неделю до этого дня. И вот эта несколько угловатая, высокая голова, возникшая теперь вся перед глазами, вытолкнула из памяти ее точь-в-точь такую же голову и, больше того, даже фамилию того, кого она видела в раннем детстве около моря, того, кто носил ее там на руках и говорил ей, как называются большие камни и трава, ютившаяся около них на пляже, и проворно строил из карт тоннели для ее поезда, вагоны которого были ягоды шиповника.

И должно быть, радость, какую засветились ее глаза, чуть только она вспомнила картину детства, передалась как-то человеку, вытершему уже платком вспотевшую голову и снова надевшему шапку: он тоже стал глядеть на нее неотрывно и вдруг поднялся и стал протискиваться к выходу, когда кондукторша выкрикнула остановку. Таня увидела, когда он поровнялся с Леней, что Леня не намного выше его, и рост того, виденного в детстве в Крыму, у моря, возник в ее памяти: тот тоже казался ей высоким... очень высоким.

И чуть только она увидела, что узнанный ею уже прошел на переднюю площадку, она толкнула Леню и приказала ему:

- Иди, здесь слезем!

Их остановка была следующей, и Леня удивился:

- Зачем?

- Нужно! В магазин зайду! - придумала Таня и вырвалась вперед, так как кондукторша уже дернула тормозную веревку.

"В магазин зайду!" - это было понято Леней, как необходимость, и он пошел за ней и вслед за нею спрыгнул с подножки вагона уже на ходу; но тут увидел он, что его Таня почти бежит, догоняя кого-то в пыжиковой шапке.

- Товарищ Даутов! - позвала Таня.

Человек в шапке тут же остановился и повернулся к Тане лицом.

- Я и в трамвае заметил, что вы на меня очень упорно глядите, - сказал он, впрочем не улыбнувшись при этом, - и даже старался припомнить, где мы с вами встречались, но... - Тут он развел руками, вопросительно поглядел на Леню, и Леня улыбнулся широко и весело, совершенно почти спрятав глаза, и ответил ему вопросом:

- Но что вы - "товарищ Даутов", этого вы не отрицаете?

- Да, я - Даутов. С вами мы, кажется, встречались, - это относилось к Лене. - А в чем дело? - спросил Даутов несколько неприязненным

теперь почему-то тоном.

И Леня сказал тогда:

- А маленькую Таню, которая вас помнит, вы, значит, уже забыли?

- Таню? - повторил Даутов, - Таню!

И набежавшая было на его лицо неприязнь к ним двоим сразу заменилась улыбкой, правда, сначала только неполной, но готовой уже разлиться в радостную при малейшем еще намеке, который пришел бы от Тани, но она совершенно не могла теперь найти никаких слов, или они даже лишними ей казались. Сказал за нее Леня:

- Это еще в семнадцатом году... в Крыму, на берегу моря...

- Помню! - почти крикнул Даутов. - Помню! Все города Крыма показывала мне на карте и все буквы знала на пишущей машинке. Помню! - И он протянул и положил ей на плечи руки, как бы собираясь ее обнять, но, весь осветившись уже изнутри, проговорил только:

- Так это вы, Таня, вон какая теперь стали. Ну, смотрите же, а!

- Как я рада, что вас нашла! - сказала, наконец, Таня. - Как я рада!.. Теперь я напишу маме!

- Помню, помню! И маму вашу помню. Она была ведь учительницей, да? Помню. - Торжественный вид стал у Даутова, но, как бы перебивая свое настроение другим, он добавил вдруг: - А вы с мамой не были в Александровске несколько позже, не помните? Может быть, она говорила вам об этом?

- Были! - вся сияя, качнула головой Таня. - И видели вас!

- Вот! Вот и я тогда думал, что это вы сидели на скамейке в саду, когда я подходил к белым офицерам в целях разведки... Я думал тогда: провалюсь, и стал к вам спиной... Ну, уж иначе мне было нельзя, - понимаете? Иначе и разведка моя не была бы удачной и меня не было бы уже на свете... Но, позвольте все-таки, - что же мы стоим на улице?.. Я здесь живу в гостинице, приехал из Донбасса.

- Из Донбасса? - подхватил Леня. - Значит, вы по-прежнему - горняк?

- Горняк. А вы? Разве бросили заниматься коксом, если я не ошибаюсь?

- Нет, вы не ошибаетесь. Я по-прежнему "коксовик", только теперь работаю здесь при Академии наук.

- Вот как! Скажите, пожалуйста! Мы, значит, одного поля ягодка! А Таня?

- Моя жена... И тоже горнячка. Ах, как удачно вышло... Ведь мы

у вас были в кабинете лет пять тому назад.

- Прекрасно! Великолепно! - Даутов не обратил внимания на его слова. Тогда зайдемте ко мне! Вы где живете? - взял их обоих за локти, приглашая этим сдвинуться с места.

- Да ведь и мы тут тоже недалеко живем, - сказала Таня, - в следующем квартале.

- Зачем же вы встали не на своей остановке? - захотел узнать Даутов.

- Ну, разумеется, за тем, чтобы не потерять вас, - ответил за Таню Ленья.

- Так я и знал! - И Даутов рассмеялся совсем по-молодому. - Мне ведь тоже надо было еще проехать, да даже и не одну, а две остановки, но вот эта самая черноглазая Таня так на меня пристально глядела, что меня даже в пот вогнала, и я, признаться должен, этой инквизиции не выдержал и бежал малодушно.

Тут расхохотался и Ленья, а Таня спросила сконфуженно:

- За кого же вы меня приняли?

- Ну, мало ли за кого я вас мог принять. Но... все хорошо, что хорошо кончается. Так лучше к вам, вы говорите, Таня?

- Да, лучше к нам, потому что я беспокоюсь, у меня ребенок.

- Ах, ребенок! Мальчик или девочка?

- Девочка.

- И тоже зовут Таней?

- Нет, Галей.

- Что ж, Галя тоже милое имя... Скольких лет?

- Моих тогдашних, - зарделась Таня еще больше, чем от небольшого морозца, который был тогда и ее поддруманил.

- Вот как отлично! Вот как чудесно! У Тани своя есть Таня, хотя и зовут ее Галей... Ну, идемте, идемте, друзья! Покажите мне вашу Галю! И будем вспоминать старое!

По пути к себе Таня все-таки зашла в магазин: теперь оно оказалось кстати, сказанное Лене наобум.

И пока Таня покупала, что ей казалось нужным для такого долгожданного гостя, как Даутов, сам Даутов, оставшись с Ленией на улице, очень оживленно допытывался у него, чем именно он занят в Академии. Ленья отвечал ему и охотно и обстоятельно, и когда Таня вышла из магазина с покупками, Даутов обратился к ней ликующе:

- Ну и муженек же у вас, Таня! Ну и молодчинище он у вас, что и можно было предвидеть еще в семнадцатом году, - и прошу не принимать этого за шутку! Я искренне рад за вас, Таня, вполне ис-

кренне! И он, мало того, что талантливый, - он еще и очень хороший человек, с чем вас и поздравляю!.. Очень хороший, повторяю, человек, что случается далеко не со всеми талантами, к великому и общему сожалению.

3

Они говорили всю дорогу, перебивая друг друга воспоминаниями. Перед Даутовым была теперь та маленькая Таня, которая называла его малахитовую лягушку неизменно "роскошной", и он рассказывал, как строил тоннели для ее поездов из ягод шиповника, и как иногда устраивал крушения этих поездов, и вообще все, что можно было вспомнить.

- Однако какая у вас хорошая память, - заметил Леня.

- Да-а... она и в студенческие годы была у меня хорошая, и мне самому это странно, что мне повезло сохранить ее. Было дело - однажды чуть не отшибли. Больше часу лежал без сознания. Вот видите - даже остался знак этого эксперимента.

И Даутов показал шрам на голове.

- Помню, - вдруг вскрикнула Таня. - Помню, вы показывали этот шрам маме!

- Вот, кстати, договорились до вашей мамы, Таня... Она... где же сейчас? Она ведь была учительницей. Прозрачная такая. Бывало там, в Крыму, хоть на солнце сквозь нее смотри! Она живет с вами здесь?

Таня давно ждала этого вопроса, но когда он спросил, у нее как-то необычно для нее самой дернулось сердце.

- Нет, она осталась жить там же, где тогда вы жили, в Крыму... Там и я жила, пока не окончила среднюю школу.

- А-а... Да, там хорошо, в Крыму... Хорошо.

И, сказав это, такое ничего не значащее, Даутов тут же обратился к Лене с каким-то вопросом, которого даже не расслышала Таня, так как думала в это время, что же она напишет матери, которая всего лишь неделю тому назад писала ей, что она, кажется, при смерти, что ей очень плохо...

Даже страшно вдруг стало Тане: ведь письмо писалось неделю назад, она получила его всего лишь за день перед этим и еще не решила, что ей делать, только послала телеграмму матери: "Горячо верю, что тебе лучше. Пожалуйста, телеграфируй это". И действительно, в этот же день к вечеру получила ответную телеграмму: "Мне стало несколько легче"... Когда она встретила Даутова в трамвае, у нее все время сверкали в мозгу слова телеграммы, какую она пошлет теперь: "Мама, спешу тебя обрадовать: я нашла Даутова". Теперь

эти слова хотя и оставались в ней по-прежнему, но... они уже перестали сверкать.

И как-то сразу вслед за этим как бы какая-то мишура, позолота слетела с лица Даутова в ее глазах; точно повторилось то самое, что случилось уже с нею там, в Крыму: тот, кого она приняла там за Даутова и привела к матери, оказался совсем не Даутов, а Патута!

И так же точно, как огорченно удивилась тогда ее ошибке мать, готова была разочарованно удивиться Таня, но в это время из другой комнаты вошла Прасковья Андреевна, ведя за ручонку маленькую Галю, и Даутов вскрикнул вдруг совершенно непосредственно радостно:

- Это ваша дочка? Вот! Вот она - крымчанка! Таня!

Даутов ни к кому не обращался при этом и ни на кого больше не глядел, только на Галю и к ней протянул руки, показавшиеся Тане очень почему-то длинными, но такими именно, какими она видела их в своем младенчестве.

А Галя без всякой робости перед новым человеком подала ему свою совсем крохотную ручонку и сказала привычно:

- Здравсте!

- Таня! - пораженно вскрикнул Даутов, притягивая ее всю к себе, а Галя совсем по-тогдашнему, Таниному, со вздохом отозвалась на это:

- Нет, я не Таня, я - Галя.

И только после этого уселась на колени гостя и внимательными, как у своей матери, глазами начала разглядывать чужого для себя человека так, как будто в нем не было решительно ничего чужого.

И Даутов нисколько не удивился бы теперь, если бы она вдруг спросила, как когда-то Таня:

- Посющите, сющите, - а где ваша лягушка?

Ему даже представилось, что эта лягушка из малахита сейчас лежит у него в кармане, и он ее вынимает, показывает этой Гале, а она вертит ее в ручонках и говорит по-Таниному восхищенно:

- Ах, какая роскошная!

А так как он прислонил щеку к головке Гали, то вспомнил, как говорила мать Тани о своей маленькой дочке: "И так от нее детишкой пахнет!"

Детишкой, точь-в-точь как тогда от маленькой Тани, пахло теперь и от Гали, - жизнь как бы сделала законченный круг.

- Постой-ка, брат ты мой, - обратился к девочке Даутов, а она отозвалась на это деловито:

- Я не брат, я Галя.